

LEVEL UP:

СКРИПТ ИСКРЕННОСТИ

ОЛЕГ РАНДОМНЫЙ

Олег Рандомный

Скрипт искренности

<https://litres.ru/73527024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк приходит в себя после странного провала в памяти и обнаруживает, что за одну ночь написал текст, который сильнее и точнее всего, что у него было раньше. Успех кажется случайным подарком — пока за ним не начинается проступать другая реальность, где алгоритмы уже умеют не только собирать истории, но и настраивать человеческий голос под спрос.

Петербург с его сыростью, набережными, рюмочными, ночными разговорами и редкими вспышками настоящей близости здесь сталкивается с миром, в котором искренность давно стала ресурсом, талант — управляемым активом, а живое слово слишком легко превращается в продукт. Чем глубже Марк погружается в устройство этой системы, тем яснее понимает: впереди не просто профессиональный выбор, а борьба за право остаться собой — в мире, который всё увереннее подменяет подлинное удобным, живое — эффективным, а творчество — технологией.

Это роман о времени, в котором человеку всё труднее отличить собственный голос от того, что однажды было собрано за него.

Содержание

Глава 1. Сигнал к пробуждению	4
Глава 2. Аквариум	10
Глава 3. После смены	21
Глава 4. Майя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Рандомный

Скрипт искренности

Глава 1. Сигнал к пробуждению

Жажда была совсем не романтической — никакой возвышенной тоски заблудившегося в пустыне путника. Обычная, бытовая, мерзкая сушь — словно язык протёрли наждачкой. В голове монотонно и гулко стучало, как будто сосед сверху сошел с ума и лупит по батарее, но это всего лишь были вздохи светящегося в углу на столе кулера системного блока.

Марк тяжело сел на край кровати и несколько секунд просто сверлил взглядом пол в слабой надежде, что паркет подскажет, какой именно шот вчера оказался лишним. Реальность медленно, но верно включала автофокус. На стуле сиротливо висела куртка, а на подоконнике почему-то стояли два бокала для вина, хотя он мог бы поклясться, что возвращался домой один. Или, возможно, он помнил это так, как обычно помнят чужую сбивчивую историю после вечеринки.

Телефон на тумбочке завибрировал — коротко и деловито. Это были не пожелания доброго утра, а скорее сухой корпоративный тычок: «сдай отчёт». На экране светилось:

«06:49. Елена Сергеевна (Клиника).

11 сообщений».

Марк открыл чат и тут же захотел его захлопнуть, причём не от страха или раздражения, а от липкого, тягучего стыда. Он нажал кнопку «озвучить», словно надеялся, что вместе с аудиосообщением в нём автоматически включится режим ответственного человека.

— Марк, доброе утро, — произнёс голосовой помощник. Слишком вежливый, чтобы утро действительно оказалось добрым. — Я понимаю, состояние может быть еще... праздничным.

Пауза, которую алгоритм сделал перед словом «праздничным», прозвучала так, будто помощник брезгливо поморщился.

— Но с тобой нет связи уже третий день. У нас горит график. Первые две главы должны быть в работе до десяти, — безжалостно продолжал искусственный голос. — Не заставляй меня думать, что я ошиблась.

Марк закрыл глаза. Третий день? Он по инерции хотел возмутиться, но не нашел в себе сил: память действительно напоминала зависший браузер с двадцатью открытыми вкладками, где половина просто отказывалась загружаться. Поднявшись, он побрел на кухню и жадно напился. Вода была ледяной и честной — первое и пока единственное обнадеживающее событие за это утро.

Вернувшись в комнату, Марк заметил валяющийся на полу Lu-плеер: наушники соединялись с маленьким старомодным «кирпичиком», словно кто-то решил вернуть эстети-

ку двухтысячных, но Марк вспомнил, что внутри находился сверхсовременный нейроинтерфейс. Блочок выдали Марку на работе недавно и это было в каком-то смысле признание и успех, которые ободряюще похлопали по плечу его гордость, когда он взглянул на него.

Блочок выдавали не всем. Он должен был связывать разум автора напрямую с «Моделью» компании. Именно в ее скрытом пространстве черновиков и поведенческих сценариев крылось то самое технологическое преимущество, которое два года назад перевернуло рынок. Формально Lu был всего лишь прототипом и должен был усиливать творческий потенциал автора — так ему сказали в компании.

Марк поднял плеер и поднёс к уху. Корпус был чуть тёплым. Значит, работал? Он же вроде еще не включал его.

— Да нет, бред какой-то, — пробормотал он в пустоту. — Я же вчера...

Он не договорил. На столе светился открытый ноутбук, а на рабочем столе маячила папка, которой вчера совершенно точно не было. Или всё-таки была, а он просто не обратил внимания? Папка называлась «LEVEL_UP_DRAFT» — он машинально отметил, что название стоило бы перевести, но сейчас важнее было другое. Внутри лежали два файла: «ГЛАВА_1» и «ГЛАВА_2». Время создания — 02:06 и 03:19 утра.

Марк нервно усмехнулся, как человек, внезапно сорвавший джекпот в лотерею, в которую даже не играл, и теперь

судорожно ищущий подвох.

— Ладно... Значит, я не совсем пропал, Елена Сергеевна будет довольна — выдохнул он и открыл первый файл.

Текст оказался действительно хорош. Не просто вылизанный и «гладкий», а по-настоящему собранный: короткие, бьющие в цель абзацы, выверенный ритм, правильные эмоциональные крючки. Марк даже порадовался бы такому результату, если бы не свербящее ощущение: строки эти написал кто-то другой — тот, кто вовсе не знал страха ошибиться. Текст звучал парадоксально легче, смелее и куда решительнее, чем всё, что Марк привык из себя выдавливать со свойственной ему осторожностью.

Он пролистал страницу вниз и вдруг споткнулся о фразу про дождь и запах тёплого асфальта. Тёплый асфальт? Клише? Но внутри всё сжалось в тугую комок. Он прекрасно помнил этот запах. Он почти ощутил ее теплую руку на своём плече. Помнил, как она рассмеялась и сказала: «Ты не писатель, Марк. И это хорошо». Но он был абсолютно уверен, что не переносил это воспоминание в текст.

Он выдохнул и закрыл глаза, пытаясь мысленно удержать запах дождя — как якорь. Он должен был её проводить. Он помнил свет фонаря у подъезда. Помнил дверь, в которую она вошла и то как она улыбнулась ему прежде чем она закрылась.

Рука сама полезла в карман куртки. Пальцы нащупали плотный картон. Визитка?

Пустой белый прямоугольник. На обороте — напечатанные на принтере слова:

«Мира. Поэзия. Не сдавайся».

Имя пульсировало вместе с головной болью.

Мира.

Марк не был уверен, что она существует. Но визитка была настоящей и это уже было ощутимое доказательство, что три дня не на работе он провел достаточно разнообразно.

Телефон снова коротко завибрировал.

«Елена Сергеевна: Марк, ты на связи?»

Он искренне хотел ответить «да», набрать «сожалею, был вне сети» и притвориться надежным ответственным профессионалом, на которого можно положиться. Но в этот самый момент на экране всплыло ещё одно, вчерашнее сообщение в мессенджере.

«Майя: Надо поговорить».

Марк замер, не сводя глаз с экрана. И почти сразу заметил второе уведомление, пришедшее следом за первым.

«Неизвестный номер: Отправляй».

В профиле отправителя значилась короткая и сухая подпись: MIRA.

Мира с визитки? Марк точно знал, что никогда не добавлял этот контакт в свою адресную книгу, и уж тем более не помнил, чтобы вступал с ним в переписку. Но самое паршивое заключалось в том, что оба сообщения светились статусом «прочитано». А в самом низу чата красовалась систем-

ная отбивка:

«Файлы отправлены. 04:21».

Он тупо уставился на дисплей. Память еще раз подтвердила, что он не нажимал кнопку отправки. И Марка пробрал уже не стыд перед собой за свое раздолбайство, а настоящий, парализующий холод. Что именно он делал последние три дня? Что вообще с ним происходит?

Глава 2. Аквариум

Мир снаружи выглядел как типичный Петербург, снова решивший, что солнце — это никому не нужный спойлер безоблачной жизни. Марк быстро шёл по Литейному, недовольно шурясь от плоского серого света, который заливал улицы. Влажный, промозглый воздух неприятно лип к лицу и пытался пробраться под поднятый воротник его пальто.

Ночь безуспешно пыталась всплыть серым пятном из памяти, утро тоже не оставило теплых воспоминаний, и единственное, что сейчас удерживало Марка в вертикальном положении — это два слова в рабочем мессенджере: «до десяти». Телефон в кармане куртки безостановочно вибрировал, словно внутри поселился маленький, но очень настойчивый кредитор.

«Елена Сергеевна:

Ты уже в офисе?

Зайди ко мне».

Марк проигнорировал очередное сообщение. За последнее время он неплохо научился экономить символы — как в текстах, так и в собственной жизни, к тому же он был почти на месте. Свернув в арку старого доходного дома, где базировалось ООО «Литературная клиника», он привычно скользнул взглядом по облупившейся лепнине и тусклым табличкам, которые уже давно никто не читал. За историческим фа-

садом скрывалась совсем иная реальность: пластиковые турникеты, мертвенно-белый свет, как в круглосуточном магазине электроники, и стойкий запах дешёвого кофе, который здесь варили исключительно ради производительности персонала. Марк редко заглядывал сюда раньше, но с подписанием долгожданного контракта эти посещения становились необходимостью.

На ресепшене сидела девушка, которая при виде Марка подняла глаза и улыбнулась так механически, словно эта реакция была жестко прописана в её должностной инструкции. — Марк... — она на мгновение замялась, словно подбирала правильное обращение. — Проходите. Вас уже ждут.

Микроскопическая пауза после его имени почему-то неприятно кольнула. Он приложил пропуск к считывателю — турникет послушно пискнул и мигнул зелёным индикатором.

— О, — девушка неожиданно оживилась, бросив взгляд на свой монитор, — а вам, оказывается, обновили доступ, вам теперь доступны все помещения клиники.

— Мне? — Марк удивленно посмотрел на неё. — Вы уверены?

— Конечно, — она снова улыбнулась, но уже куда более осторожно. — Там всё происходит... автоматически.

Слово «автоматически» прозвучало как вежливая просьба не задавать лишних вопросов. Марк прошёл в шумный общий зал и почти сразу вспомнил, почему у «Литератур-

ной клиники» слово «клиника» — не метафора, а рабочее состояние: здесь лечили тексты от слабости, а авторов — от надежды писать «как хочется». Марк поежился и неохотно двинулся внутрь.

В самой глубине офиса располагалась просторная стеклянная переговорная, которую сотрудники называли «Аквариумом». Одну из стен там целиком занимала панель экранов. Это была не просто стена для презентаций, а настоящая диспетчерская рубка: графики, тепловые карты, скачущие проценты, вспышки алертов и бесконечные бегущие строки. За последние два года издательство агрессивно вырвалось в лидеры рынка, и теперь Марк тоже оказался частью этого цифрового бедлама.

На одном из экранов пульсировала кривая «удержания» по свежим главам — линия нервно прыгала, напоминая кардиограмму пациента в реанимации. На соседнем мониторе в реальном времени обновлялись продажи: цветные столбики росли и падали, словно брокеры торговали нефтью, только вместо баррелей здесь продавали человеческое внимание. Третий экран демонстрировал тепловую карту страны, показывая, в каких регионах книги проглатывают запоем, а где читателей требуется агрессивно «дожимать» до финала клиффхэнгерами.

— Привет, Марк. Проходи, проходи. — Михаил стоял перед этой светящейся стеной с гордым видом экскурсовода, презентующего гостям музей современного капитализма.

— Вот, посмотри, — сказал он с глубоким удовлетворением, указывая на экраны. — Это ведь не просто читатели. Это непрерывный поток. Видишь вот эти пики? Это реакция на обновления. Значит, мы всё делаем абсолютно правильно.

Марк неуверенно замер на пороге переговорной.

— У вас тут... как в центре управления полётами, — осторожно произнёс Марк.

— А ты как думал? — рассмеялся Михаил. — Мы и есть центр управления. Запускаем миллионы людей в комфортный побег из реальности и внимательно следим за тем, чтобы они случайно не выпали из своей капсулы до момента оплаты следующего месяца подписки.

Фраза прозвучала легко, как дежурная офисная шутка, но от этой циничной практичности Марку было немного не по себе. За столом сидела Елена Сергеевна. Она даже не подняла глаз, продолжая методично листать отчеты на своём планшете с таким сосредоточенным видом, словно изучала анализы тяжелобольного.

— Садись, — бросила она. — Твои первые главы зашли. Причём аномально хорошо. Как ты вообще это сделал?

— Я сам... — Марк сглотнул. — До конца не уверен как. Понимаю, звучит глупо.

— Это просто ты, — безапелляционно отрезала Елена. — Написано чисто, без лишних попыток понравиться аудитории. Смело и это цепляет.

Она наконец оторвалась от планшета и вскинула на него

строгий взгляд: — Мы хотим, чтобы так было всегда. Ты меня понял?

Марк по привычке хотел покладисто ответить «да», но вместо этого озвучил мысль, которая мучила его с самого утра: — А вы сами не боитесь, что... ну, что я начал производить просто контент?

Михаил картинно вскинул брови и развел руками:

— Просто контент, Марк, — это когда внутри пусто. А у тебя не пусто. Тут у всех не пусто. У нас людям приятно. Им «в кайф». — он обвел рукой яркие экраны на стене — Пойми, люди смертельно устали. Если ты вместо расслабления принесёшь им ложный «смысл», они просто проклянут тебя и уйдут смотреть танцующих котиков.

— Марк, давай откровенно.

Елена откинулась в кресле и задумчиво посмотрела в белый офисный потолок:

— Раньше классические издательства работали как фильтр они пропускали только шедевры, только золото. Теперь же фильтра больше нет. Есть только огромный поток контента. И если мы не научимся управлять им ежесекундно, этот поток быстро превратится в болото. А в болоте утонут все: и читатели, и мы вместе с ними.

— Но вы же... — Марк кивнул на светящиеся графики, — вы ведь здесь не про литературное «золото». Вы исключительно про рост показателей.

— Растущая кривая — это и есть наше золото, только в

современной оболочке, — с готовностью парировала Елена.
— Как биткоин.

Она самодовольно улыбнулась собственной метафоре. Марк тоже ухмыльнулся.

— Ладно. Допустим. И что дальше?

Михаил мгновенно оживился, словно только и ждал этого вопроса:

— Дальше мы запускаем тебя в полноценную серию. Минимум три книги, выстроенные как сезоны сериала. Подписка растёт, читатели сходят с ума и требуют продолжения. Ты сейчас сходу взлетел на верх, а это колоссальная редкость. И поверь, мы тебя теперь не отпустим — протащим в самый топ, я тебе обещаю.

— Звучит... очень по-семейному, — пожал плечами Марк, ёжась от слов «не отпустим».

— Мы и есть семья, — ничуть не смутился Михаил. — Только семья с очень хорошими юристами.

Елена решительно поднялась из-за стола: — Пойдём. Я покажу тебе кое-что, чтобы ты не думал, будто в этой компании только ты один работаешь.

Они вышли из «Аквариума» и направились мимо длинных рядов столов, за которыми сидели сосредоточенные ребята в одинаковых худи с логотипом компании. На их мониторах мелькали не страницы текстов, а сложные инженерные панели: загрузка серверов, нагруженность кластеров, статусы систем, алерты предупреждений и бесконечно бегущие

строки чёрных терминалов.

— Это наш IT-блок, — пояснила Елена, указывая на отдел. — Они круглосуточно держат «пульс» платформы.

Один из инженеров как раз раздражённо ругался в микрофон: — Да отключите уже старый кластер, он завис и просто жрёт ресурсы! Мне плевать, что там лежит какой-то «архив правок»! Ночью у нас синхронизация! Главное, чтобы генерация не легла!

— Какая ещё синхронизация? — непроизвольно вырвалось у Марка. Елена посмотрела на него чуть более цепко и внимательно, чем обычно.

— Плановое техническое окно. Резервное копирование данных, — ровным тоном ответила она. Слово «резервное» по идее должно было успокаивать, но почему-то именно от него Марку стало как-то не по себе.

Инженер, заметив их, мгновенно осекся и вытянулся в кресле.

— Елена Сергеевна... — парень на секунду завис, явно подбирая слова. — Марк Николаевич? — Но тут же поспешно добавил: — Марк. Привет.

Марк натянул вежливую улыбку. Лицо парня казалось смутно знакомым, но нужная ячейка памяти предательски отказывалась открываться.

— Привет. Я тут... просто... автор на экскурсии, — попытался отшутиться он.

Инженер закивал слишком уж быстро, вероятно ему не

терпелось продолжить отключение зависшей системы.

— Да-да, конечно. — И добавил уже тише, когда они двинулись дальше: — Спасибо, Марк. Вообще огонь. Мне безумно всё нравится.

Марк не нашёлся, что на это ответить, и поспешил вслед за Еленой. Дальше по коридору располагалась комната, куда в индустрии будущего заглядывали крайне редко. На двери висела табличка: «Корректоры». Внутри в тишине работали две пожилые женщины и один седой мужчина. На их лицах застыло то особое выражение, которое бывает у людей, исправивших тысячи чужих ошибок и ни разу не получивших за это аплодисментов. Одна из женщин заметила гостей и поднялась со стула:

— Марк... Мы очень рады с вами поработать и... первые главы отличные.

— Да я... — Марк неловко потёр шею, — просто очень люблю забывать запятые.

Женщина мягко и понимающе рассмеялась. Марк смотрел на неё, чувствуя, как глубоко внутри его сознания некий процесс безуспешно пытается открыть нужный файл воспоминаний, но раз за разом получает холодное системное уведомление «доступ запрещён».

— Это вам спасибо... за вашу работу, — выдавил он из себя.

— И мы рады, что вы к нам заглянули, — искренне ответила она.

Вскоре, пройдя еще несколько кабинетов, они вернулись обратно к Михаилу. На столе в переговорной уже лежала скучная официальная папка с документами.

— Подпиши вот здесь, — Михаил небрежно постучал пальцем по бумаге. — Это расширенный пакет «Серия». Абсолютно типовый договор, ничего страшного. Если есть сомнения, можешь забрать экземпляр домой и изучить с лупой.

Марк пробежался глазами по страницам. Стандартные пункты, привычные канцелярские формулировки. Но вдруг его взгляд споткнулся о слово, которое он терпеть не мог даже в чужих бумагах: «Бенефициар». Глаз намертво зацепился за строчку.

— А это ещё что такое? Я этот язык не особо воспринимаю — нахмурился он.

— Договор. Обычная формальность, — Михаил легкомысленно отмахнулся. — Наши юристы просто обожают вставлять красивые термины.

Елена резко подняла голову от экрана. Михаил замолчал всего на долю секунды, но в это мгновение Марку померещилось, что он видит не вальяжного продюсера, а напряжённого человека, который панически боится сболтнуть лишнего.

— Марк, ты сейчас прикалываешься? — прищурившись, с иронией и нажимом произнесла Елена. — Просто подписывай. У нас жёсткий график.

Марк перевернул последнюю страницу и машинально гля-

нул в правый нижний угол, где стояла подпись и печать юриста. Мысль мелькнула, что договор в порядке. Марк на секунду попытался осознать откуда он это знает, но Елена как раз протянула ручку. Марк взял ее и поставил подпись. Отложив ручку, он вдруг ощутил странное умиротворение, но и тревогу через мгновение — теперь придётся выкладывать-ся на полную.

Уже на выходе из здания его догнала девушка с ресепшена и с улыбкой протянула новую пластиковую карту. — Вот, держите. Я обещала новый пропуск.

Марк взял пластик. На глянцевой поверхности под его фамилией и именем чёрным по белому было выбито: «УРО-ВЕНЬ: Админ». Он не сдержал нервного смеха: — Это шутка? Почему не «Творец»?

Девушка осталась абсолютно серьёзной. — Нет, не шутка. Так присвоила система. — Помедлив секунду, она добавила: — Но, если вам так комфортнее, мы можем переделать на «творец».

Марк вышел на улицу. Дождь заметно усилился, превращая Петербург в сплошную серую акварель. Он думал о Майе. О том, что этим вечером ему хочется пройтись с ней по набережной, заглянуть в шумное кафе и посидеть там как нормальный человек, от которого не требуют быть круглосуточной дойной коровой для алгоритмов Клиники. К сожалению, вечером Майя была занята.

Телефон в кармане тихо пискнул. Это был не мессенджер

от друзей и не письмо от редакции. Просто системное уведомление, возникшее из ниоткуда:

«Марк_Админ: сессия восстановлена.

Протокол "Безопасный режим" активен.

Окно синхронизации: 04:12».

Уведомление моргнуло и бесследно исчезло с экрана. Как будто его никогда и не было. Марк застыл посреди тротуара, бессмысленно уставившись на мокрый асфальт. Впервые за весь этот безумный день он остро осознал: он понятия не имеет, сколько ему на самом деле лет. Не по цифрам в паспорте, а по тому тяжелому, тягучему ощущению времени, скопившемуся где-то глубоко внутри. И это знание пугало куда сильнее, чем ответственность за сроки своих произведений, которую он только что закрепил на бумаге.

Глава 3. После смены

Вечером Марк поехал на встречу с друзьями. Не потому, что ему отчаянно хотелось веселья, а потому, что это был единственный доступный способ проверить настройки собственной реальности: выяснить, остался ли он ещё человеком после подписания контракта или окончательно начал превращаться в функцию свёрхтехнологичной платформы «Клиники».

Договорились, как всегда, «где-нибудь в центре». В петербургских реалиях «встретимся где-нибудь в центре» обычно означало полчаса плутать под дождём по подворотням и мостам, обмениваясь геопозициями и нервными голосовыми: «я у витрины, где нарисован лев». В конце концов они столкнулись у дверей знакомой рюмочной. Место было подчеркнуто не пафосным: липкая деревянная стойка, тусклый свет и посетители, которым было плевать на эстетику — сюда приходили не за красивыми кадрами для соцсетей, а за честной паузой между рабочими буднями.

— О, живой, — хмыкнул Сева вместо приветствия, крепко пожимая ему руку. — Это уже неплохо. В наше болезненное время оставаться живым к вечеру — это вообще навык номер один.

— Слушай, я сегодня такие графики видел в офисе... — устало начал Марк, присаживаясь за шаткий, выдавший ви-

ды столик.

— Даже не начинай, — тут же перебил его Сева, решительно пододвигая к нему наполненную стопку. — Мы собрались здесь именно для того, чтобы забыть, что наша жизнь — это чей-то график.

Лера появилась минут через двадцать, впорхнув в бар с видом человека, который не способен опоздать на поиски смыслов — но на встречи с живыми людьми опаздывает всегда. А еще через несколько минут подтянулся их приятель Илья.

— Представляете, я только что с такой лекции, — с порога заявила она, скидывая влажное пальто прямо на свободный стул. — Нам рассказывали про то, как жестокая цензура в девятнадцатом веке буквально вырезала авторов до костей.

— Подумаешь, — мрачно буркнул Илья, который всегда разговаривал так, словно спорил на работе с налоговым отчётом. — Сейчас издатели вырезают уже читателей. Прямо до голой потребительской реакции. Я вообще перестал читать современных авторов — в сериалах и то смысла больше. То ли дело русские классики.

Они чокнулись и выпили. Марк молча разглядывал лица друзей, пытаясь зацепиться за этот момент. Вот же она — обычная жизнь: шумное место, искренние разговоры, взрывы случайного смеха, перебивающие друг друга голоса. Даже накопившаяся усталость здесь ощущалась правильно — тяжесть в плечах, бокал в ладони, лёгкая сиплость в голосе

после долгих разговоров. Всё было на своих местах, без подвоха, без второго слоя.

И всё же где-то на задворках сознания продолжало ритмично тикать что-то невидимое — не громко, не панически, просто настойчиво. Как часы в дальней комнате, которые днём почти не слышны, но в паузах между словами вдруг проступают отчётливо. Он пытался не прислушиваться к этому тиканью, но именно в моменты смеха оно становилось заметнее, словно напоминало: этот вечер не бесконечен, и что-то уже ждёт за его пределами.

— Слушайте, ребята, — Марк задумчиво покрутил в руках пустую стопку, — а вы вообще ещё отличаете, где заканчивается настоящее и начинается нейросеть?

Лера снисходительно усмехнулась, поправляя выбившийся локон:

— Конечно отличаю. Настоящее обычно максимально неудобное и колючее.

Сева бодро поддержал, поднимая стопку:

— Настоящее, брат, это когда тебе утром физически плохо. Это верный знак того, что вчера было по-настоящему весело.

Илья же посмотрел на Марка куда внимательнее, прищурив глаза за стёклами очков, в которых отражались огни бара:

— А ты сейчас вообще про контент спрашиваешь или про себя самого? Мозг то твой вроде тоже как нейросеть, только

обучалась пару десятков лет.

Марк не нашелся с ответом. Ему совершенно не хотелось звучать как городской сумасшедший, теряющий связь с реальностью на ровном месте, поэтому он поспешно сменил тему.

— Да я просто сегодня в офисе проходил мимо отдела корректоров, — начал он издалека. — И там сидят настоящие, живые люди из прошлого. Пожилые такие. И они... — Он замялся, подбирая слова. — Короче, они меня поблагодарили за мои рукописи.

Сева громко прыснул, едва не поперхнувшись наливкой:

— За что это? За авторские запятые?

— Если бы я знал, — честно признался Марк, глядя в стол.

— Они прямо так и сказали: «Мы здесь работаем только из-за вас».

Лера задумчиво нахмурилась:

— Слушай, может, это просто часть их корпоративной культуры? Ну, знаешь, такой хитрый HR-инструмент, чтобы ты, как автор, чувствовал себя незаменимым героем индустрии. Типа мотивацию выкручивают в максимум.

Марк полез во внутренний карман куртки и ответил тихо, почти будничным тоном:

— Ну тогда у них это на потоке, мне еще сегодня выдали служебный пластик, не соответствующий моей роли в компании. Чтобы повесить мою самооценку, что-ли?

Он достал карту доступа и бросил её на липкий стол. Крупные буквы на глянце гласили: «УРОВЕНЬ: АДМИН».

Илья уважительно присвистнул, наклонившись над столом так низко, что едва не коснулся пластика очками:

— Ничего себе! Начинающий автор вдруг становится админом в топовом IT-издательстве. Ты что, по ночам им сервера перезагружаешь или за линукс шарить?

— Это просто ошибка системы, — попытался отмахнуться Марк, но Лера посмотрела на него пронизывающим взглядом, которым обычно смотрят на человека, случайно влезшего в чужую и очень опасную историю.

— Марк... а ты вообще точно помнишь, на какую именно должность ты туда устраивался? Там не секта часом?

Он открыл рот, чтобы ответить, но с ужасом осознал, что на месте этого воспоминания зияет абсолютная, стерильная пустота. Гладкая, аккуратно вырезанная дыра — словно плохой абзац, безжалостно удалённый всемогущим редактором. Марк уже приготовился отшутиться, как вдруг телефон в кармане мелко завибрировал, спасая его от позорной заминки.

Сообщение было от Майи: «У меня завтра интервью в акселераторе. Мне жутко страшно и совсем не хочется туда идти, но там обещают реальные деньги». Прочитав эти строки, Марк внезапно почувствовал, как внутри вскипает глухая злость. Не на Майю, конечно, а на весь этот безумный мир, где понятия «жутко страшно» и «реальные деньги» спо-

койно соседствуют в одном предложении, и все вокруг принимают это как должное.

— Пойдёмте пройдемся, — резко сказал он, поднимаясь и задвигая стул. — Куда-нибудь к воде. Мне срочно нужно проветриться.

Они вышли из душного бара в пронзительный холод вечера, срезали путь через гулкие дворы-колодцы и двинулись вдоль Фонтанки. Город казался вымытым и пугающе открытым, без отступившей на время размывающей его черты водяной взвеси, словно верный друг после тяжелого разговора, когда все лишние слова наконец исчерпаны и осталась одна лишь голая суть.

Они неспешно шли вдоль чугунных узоров набережной, и вдруг в самой глубине сознания Марка, сквозь мягкий плеск воды, мелькнула чёткая, холодная и абсолютно чужая мысль — словно всплывающее уведомление в интерфейсе: «Не сопротивляйся. Так будет лучше».

Марк резко остановился, как вкопанный, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Что случилось? — обернулся Сева, заметив заминку.

— Ничего, — Марк мотнул головой, отгоняя наваждение. — Просто... показалось.

Они двинулись дальше. Над каналом мягко рассеивался жёлтый свет фонарей, а вода внизу казалась густой и бесприсветно чёрной — в точности как пустой экран монитора, замерший в бесконечном ожидании нового, ещё не одобрен-

ного текста.

Глава 4. Майя

Репетиционная в центре «Васьки» пахла нагретым железом микрофонов, мокрой одеждой на вешалках и старым деревом — густой, честный запах места, знающего живые голоса и тепло человеческих рук. Здесь не было фальшивого блеска инста-роликов — всё было по-настоящему обжитым и слегка побитым временем: от сколов на паркете до потёртых микрофонных стоек. Майя арендовала этот угол по средам для своего клуба современной поэзии, который, вопреки всему, жил и дышал. Сарафанное радио исправно собирало единомышленников: от совсем «зелёной» молодёжи в безразмерных худи до благородных стариков — тихих, как седая осень.

Майя стояла на маленькой сцене — вернее, просто в углу комнаты, где установили стойку и два прожектора, направленные на выступающих. В рваных джинсах и простой чёрной футболке, с волосами, собранными наспех, она излучала уверенность андеграунда в своей правоте и неудержимый протест против обыденного. Майя держала микрофон так крепко, будто не просто говорила в него, а вела напряженный спор.

— Ещё раз. Давайте порассуждаем вместе. У кого есть что добавить по теме? — обратилась она к слушателям, и её голос прозвучал надтреснуто, но уверенно. — Только чур без

«красиво». Мы же не в клинике.

— В какой?

— В литературной, — отрезала Майя. — Там, где тебе отрежут всё живое, чтобы было «удобно слушать». Мы здесь вроде как подполье. Делаем что хотим. Ребята, смелее.

В этот момент она заметила Марка и на секунду улыбнулась — это не было дежурным приветствием, скорее немым признанием: «ты здесь, значит, я не одна». Марк, по своему обыкновению, сел ближе к выходу. Это была не скромность, а выработанный с возрастом аварийный план: если станет совсем некомфортно, всегда можно исчезнуть незамеченным. После утренней встречи в офисе он физически не мог выносить ощущения толпы. В «Аквариуме» люди не напрягали количеством, но там было нечто худшее: живая масса, окончательно автоматизированная и превращённая в безликий трафик.

Майя кивнула залу: — Давайте тогда я. Она начала читать — почти спокойно, но с такой интонацией, что у Марка внутри разу что-то тонко и болезненно зарезонировало:

— Я не хочу быть полезной. Я хочу быть живой. Это разные вещи.

В зале кто-то одобрительно и коротко засмеялся — так смеются люди, когда слова попадают точно в цель. Майя продолжила, и её голос окреп: — Если вы хотите, чтобы было «хорошо», идите туда, где вам сделают «хорошо». Я вам сделаю правду. Дорого. Но не деньгами.

Она резко убрала микрофон, и в помещении повисла тяжелая, плотная пауза — редкая вещь в мире, где тишина почти запрещена. Затем несколько человек зааплодировали: негромко, но как-то очень искренне.

Когда выступления других участников завершились, они вышли на улицу. Дождь был не ливнем, а затяжным состоянием «всё слегка мокро». Висящая в воздухе морось, которая, казалось, заполняла собой всё вокруг проникала в каждую щель сознания.

— Ну? — Майя шла рядом, засунув руки в карманы и высоко подняв плечи. — Как я тебе?

— Как всегда, — Марк грустно улыбнулся. — Сначала мило, потом больно.

— Хорошая структура, — фыркнула она. — В твоей «клинике» бы точно одобрили.

Марк хотел было сказать «не начинай», но промолчал. Перед глазами всё ещё стояли офисные экраны: кривые удержания, тепловые карты и та самая строка «Админ» на пластике, который он не просил.

— У тебя лицо как у человека, — заметила Майя, — который внезапно узнал, что он слишком взрослый для этой жизни.

— Мне сегодня предложили контракт на серию.

— И... ты согласился?

— Да, а куда деваться? Самому не пробиться, нужно несколько сотен тысяч на рекламу, только чтобы о тебе кто-

то узнал, а потом корректура, редактура, аудиокнига...

— Это похоже на обычный бизнес, инвестируешь деньги, получаешь прибыль, это не похоже на творчество, ну так глобально. Ты не чувствуешь, что это все не то, чем казалось в молодости?

Марку нечего было возразить. В последнее время он вообще жил с ощущением огромной дыры в биографии — она была аккуратно вырезана, словно неудачный абзац в рукописи. Но Марк старался не думать об этом.

Они дошли до знакомой блинной. Майя улыбнулась продавщице и заказала «как обычно», а Марк взял что-то наугад, просто чтобы занять руки.

— Я должна тебе рассказать, — произнесла Майя, пока они ждали заказ. — Они мне написали.

Марк мгновенно напрягся, он ждал этого разговора после вчерашнего сообщения, но сам не хотел начинать.

— «Литературная клиника»? И что же?

— Предложение. Соавторство с нейролингвистическими алгоритмами. Технология «Level Up». — Она произнесла эти названия так, будто зачитывала судебное постановление.

— Это шутка? — спросил Марк. — Откуда у них твои контакты? И что конкретно они предлагают? Участвовать в обучении нейросети?

— Коммуникация через скрытое пространство модели, прямое подключение, медицинский сертификат нейроинтерфейса. Двадцать страниц технического текста, Марк.

Она протянула ему телефон. На экране светилось приглашение в «авторский акселератор». «Пробная сессия». «Гонорар за подключение». Текст был вежливым и гладким, лишенным каких-либо шероховатостей.

— Они предлагают мне деньги за стихи, — Майя посмотрела на него в упор. — Представляешь, какой абсурд?

— За стихи никто не платит, — автоматически, почти не задумываясь, ответил Марк.

— Вот именно. Поэтому я и боюсь.

Майя подняла глаза, и в них Марк увидел то, что она пыталась скрыть за иронией — усталость.

— Марк, мне реально нужны деньги. Мне нужно помочь матери в Архангельске с ремонтом. И я не богема. Мне надо жить. Я хочу жить. Не «в образе», а в реальности тоже.

Он молчал. Он слишком хорошо её понимал, и именно поэтому внутри всё протестовало.

— Почему ты не сказала, что тебе нужны деньги? Я бы мог помочь.

— Мне нужно... самой начать менять свою жизнь. Я всегда боюсь испытать мерзкое чувство: когда искренне веришь, что тебе пытаются помочь, а потом начинаешь думать, что тебя начинают контролировать.

— Да ладно тебе... И как эта работа может сочетаться с твоей жизнью, это сегодняшнее «не хочу быть полезной»?

— Идея работать на масс-маркет мне противна.

— Это просто пробная сессия, — сказал Марк, уговари-

вая скорее самого себя. — Они... помогают многим авторам.
— И добавил, прежде чем успел подумать: — Говорят, это безопасно.

Майя смотрела на него очень долго и внимательно.

— Ты сейчас заговорил как человек, который это продаёт.

— Я? — Марк нервно усмехнулся. — Эти ребята очень плотно промывают мозги. Меня облизывали сегодня, как будт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.